

Реформы должны идти быстрее и решительнее

*На вопросы журнала отвечает член Президентского совета, политический обозреватель газеты «Известия» доктор экономических наук ОТТО ЛАЦИС**

«ОНС» Прежде всего хотелось бы узнать ваше мнение о ходе экономических реформ в 1994 году. Вспомним, какие прогнозы давались в начале года в связи с отставками Е. Гайдара и Б. Федорова. Многие предсказывали «разгон» инфляции и гиперинфляцию уже к весне. Этому способствовали и заявления некоторых членов правительства, их обещания обильного кредитования подведомственных им отраслей. Однако реальные действия правительства оказались иными. Соответственно, иные и результаты экономического развития. Может быть, на реальную работу правительства оказывает влияние тот определяющий фактор, который еще в начале реформ был отмечен Е. Ясиным. Он говорил, что коридор возможных для нас экономических решений слишком узок и с этим вынуждено считаться любое правительство, которое не может безнаказанно преступать узкие рамки допустимого.

О. Л. Отнюдь не любое, а мало-мальски разумное правительство. Я, конечно, не представляю себе правительство Жириновского (это за пределами разума), но вполне можно представить себе правительство коммуно-аграрной коалиции — одной из самых больших групп в Государственной Думе. Такое правительство вполне могло бы попытаться выйти из упомянутого вами коридора. Однако не выходя из него, действует правительство прагматиков, подлинно беспартийное правительство, каковым и является правительство В. Черномырдина. Действует в той степени, в какой ему позволяют его квалификация и сама реальная ситуация: тот же парламент, президент, конкретные практические проблемы.

Уход Гайдара и Федорова сыграл парадоксальную роль. Он укрепил возможности продолжения их политики в области финансовой стабилизации. Если бы они остались, в правительственном кабинете возник бы соблазн подыграть дружественным фракциям, прежде всего топливно-энергетическому комплексу, очень мощным аграрникам, военно-промышленному комплексу, можно было бы также пойти на какие-то популистские действия. Можно было бы несколько «раскачать» инфляцию в расчете, во-первых, на то, что есть профессионалы, которые смогут затем снова ужать ее до 10—12%, а во-вторых (и это главное), что как раз эти профессионалы формально оказались бы ответственными за издержки инфляции. Ведь за состояние финансов должны были бы отвечать министр финансов Федоров и вице-премьер по экономике Гайдар.

* Интервью записано 18 июля 1994 года.

«ОНС» А в новой ситуации оказалось, что «свалить» будет не на кого?

О. Л. Новый исполняющий обязанности министра финансов С. Дубинин — очень квалифицированный человек, но политического веса он не имеет. Поэтому в сложившихся после ухода Гайдара и Федорова условиях за разгон инфляции и все последствия этого отвечать должен будет сам Черномырдин. Он рисковал бы войти в историю как премьер, промотавший достижения Гайдара. В противном же случае у него появляются неплохие шансы, во-первых, надолго остаться премьером, закрепляющим достижения и выводящим страну из кризиса, а во-вторых, бороться за президентский пост особенно в ситуации, если не надо будет конкурировать с Б. Ельциным. В этих условиях Черномырдин, понимая, что политика финансовой стабилизации была единственно возможной, продолжил ее даже более последовательно, чем это делали Гайдар и Федоров, которые всегда были ограничиваемы в своих действиях Верховным Советом.

«ОНС» В результате после январского скачка, превысившего 20%, инфляция стала устойчиво снижаться и в июне достигла пятипроцентной отметки.

О. Л. Существенно подчеркнуть, что это очень важный качественный порог. Если помните, в начале года, когда уходил Федоров, при принятии уточненной программы реформ была полемика о том, каких результатов мы должны достичь к концу 1994 года. Реформаторы ориентировались на цифры 3—5% в месяц, о том же, кстати, говорится и в правительственной программе реформ, утвержденной в августе 1993 года. Однако в начале года в Давосе Черномырдин вдруг стал называть другие цифры — семь, девять, двенадцать процентов в месяц. Между тем требуемые 3—5% в месяц — это отнюдь не какое-то магическое число, а тот рубеж, та величина, когда по формуле сложных процентов получается годовая инфляция менее ста процентов. То есть речь идет уже о двузначных цифрах инфляции, о величине другого порядка. При трехзначных величинах инфляции колебания так велики, что рассчитать реально положительный процент за кредит очень сложно.

У нас сложилась ситуация, когда процент за кредит для банка оказался непомерно низким, отрицательным, потерял свое стимулирующее значение. В 1993 году учетная ставка Центрального банка составила 210% при годовой инфляции в 860 процентов. То есть заемщик практически получал подарок: деньги обесценивались в четыре раза. Но в то же время для заемщика и такой процент был непомерно большим. Ведь если брать кредит для серьезных инвестиций на несколько лет под двести и более процентов, надо быть уверенным, что за это время и доходы возрастут в пропорциях, достаточных для расчета с кредитором. При высокой инфляции такой уверенности нет, а значит, невозможны вложения в производство. Капитал в лучшем случае оборачивается в торговле, а то и просто направляется на валютные спекуляции. Рискованными становятся даже несколько недель товарного оборота. Предпочтительными оказываются обороты в несколько дней для валютных операций, связанных с игрой на курсе, с обменом рублей на доллары, долларов на йены, йен на марки и т. д.

Но такая ситуация означает распад экономики. Нет инвестиций, значит, нет не только развития, но и стагнации, потому что разваливается имеющийся потенциал. Кроме того, в условиях высокой инфляции оказываются невозможными сбережения населения. Предложения огромных процентов за вклады граждан, как правило, связаны с колоссальным риском потерять все. Но вложить свои средства под надежный, скромный, но положительный процент вы не можете. Хранение сбережений в валюте также не дает эффекта: рост курса доллара значительно отстает от темпов инфляции. Однако в мае-июне мы перешли тот рубеж, когда стал возможен реальный положительный процент (даже в Сбербанке есть такой вид вклада). А ведь в начале года

многие утверждали, что достичь пятипроцентного рубежа к концу 1994 года невозможно. Но Черномырдин после ухода Гайдара и Федорова добился этого, и не в декабре, а в июне!

«ОНС» Значит, по вашему мнению, в экономической ситуации произошли положительные сдвиги?

О. Л. Все, о чем я говорил, свидетельствует о появлении некоторых предпосылок положительных сдвигов. Произошло также улучшение ряда социальных показателей. Второй год подряд растут реальные денежные доходы населения. В этой области худшее время пройдено в 1992 году. Еще не достигнут предкризисный уровень, но по отношению к низшей точке рост несомненный. Правда, это еще не рост реальной заработной платы, а именно реальных денежных доходов (реальная заработная плата медленно снижается).

«ОНС» Как бы вы объяснили этот парадокс?

О. Л. Просто люди больше работают. Имеют вторую зарплату по совместительству или еще какой-то приработок. И в 1994 году факт роста реальных доходов был зафиксирован. Еще одна язва последних лет — чрезмерная социальная дифференциация. Существует так называемый «децильный коэффициент», показывающий соотношение доходов десяти процентов самых богатых и десяти процентов самых бедных. Этот коэффициент в 1993 году был выше, чем в 1992 году, но в 1994 году он стал ниже, чем в 1993. Резко (более чем вдвое) сократилось в 1994 году число лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума (хотя по-прежнему эта доля остается очень высокой).

«ОНС» Есть классическая закономерность: падение инфляции сопровождается ростом безработицы. Как обстоит дело в этой сфере?

О. Л. Рост безработицы в целом по России наметился, но пока слабый. В отдельных регионах положение более сложное. Прежде всего это такие области, как Ивановская, Ярославская, Костромская, регионы Севера, Дальнего Востока, ряд других. Но здесь трудности обусловлены целым комплексом причин, а не той закономерностью, о которой вы упомянули. В целом же по России улучшающиеся социальные показатели, показатели снижения инфляции явно перевешивают показатели роста безработицы. Хотя, конечно, проблемы безработицы должны вызывать самое пристальное внимание правительства, ибо для нас это явление непривычно и очень болезненно.

«ОНС» Не кажется ли вам странным наметившийся процесс улучшения социальных показателей при продолжающемся ухудшении показателей производственных?

О. Л. Да, производство у нас падает, а доходы и уровень жизни растут. Я полагаю (не могу утверждать, потому что точной статистики мы не имеем), что в основном идет падение того производства, которое всегда было у нас не «доходом», а «расходом»: прежде всего это оборонное производство, а также те продукты, которые не нужны рынку, не востребованы потребителем, населением. Потому и получается, что даже при сокращении производства люди живут лучше. Сокращается и расточительное потребление. Например, мы меньше произвели зерна, практически до нуля снизили его импорт, а хлеб есть, кормов в достатке. Меньше стали использовать зерно на корм скоту и больше давать зеленый корм — более дешевый в условиях России. Снизилось производство продуктов животноводства, не обеспеченное отече-

ственными кормами. Оно было расточительным, экономически не оправданным. А все это — очень важные шаги в нормализации структуры всего общественного производства.

Тем не менее, говоря о таких позитивных явлениях, нельзя не видеть, что все наметившиеся тенденции еще далеко не прочны, обратимы. Главное — даже не возобновление роста объемных показателей производства, а восстановление инвестиций. Этого пока нет. Кроме того, необходимо еще большее снижение инфляции. Конечно, 5% в месяц — слишком много. Надо «загнать» ее в рамки 20% в год. Данная цифра очень велика по западным меркам, подобная инфляция привела бы к краху любое правительство, скажем, в Западной Европе или в США. Но мы пока можем лишь мечтать о такой ситуации. Вряд ли названные показатели достижимы в будущем году. Если все пойдет хорошо, эти рубежи станут доступны для нас года через три. Сейчас же важно, чтобы положительные тенденции укрепились.

«ОНС» Вы видите моменты, внушающие тревогу?

О. Л. Боюсь, что правы те экономисты, которые предсказывают всплеск инфляции уже осенью этого года. Возможно, она будет не такой большой, как раньше: не 20—25%, а 10—12 процентов. Но и это вновь может лишить нас реального положительного процента, а значит, нарушит начинающую складываться ситуацию со сбережениями, инвестициями и т. п. Государственная Дума все-таки выжала из правительства инфляционный бюджет со слишком большим дефицитом. Центральный банк, который сначала был очень осторожен в снижении ставки процента, потом слишком заторопился и очень резко снизил его. Опять кредит становится необоснованно дешевым, льготным. Чрезмерная бюджетная и кредитная эмиссия может резко повысить инфляцию. Правительство уверяет, что к декабрю (как к некоему «отчетному сроку») оно вновь «ужмет» ее. Но, во-первых, отнюдь не факт, что это действительно удастся сделать к декабрю, а во-вторых, негативно сказываются на ситуации сами такие скачки — сначала 5%, потом 10—12%, затем вновь 5 или 7 процентов. Сам Черномырдин признавал, что хуже всего — пульсирующая инфляция, так как ни к чему нельзя приспособиться. Поэтому мне кажется, что все еще нельзя ослаблять внимания к процессам финансовой стабилизации. То есть гораздо более активно противостоять аграрно-промышленному и оборонному лобби, которые «выбивают» деньги на ненужные обществу вещи. Давно известно, что аграрные кредиты и дотации — не тот способ поддержки сельского хозяйства, который дает эффект. Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале «Коммунист» мы писали, что за 1975—1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет. Государственные дотации, распределяемые и выбиваемые чиновниками, — выброшенные на ветер деньги, идущие на благо самих этих чиновников, а отнюдь не крестьян, на проблемах которых спекулируют.

«ОНС» Невозможность избежать новой «денежной накачки» рядом членов правительства и экономистов объясняется необходимостью решения обостряющейся проблемы неплатежей.

О. Л. Это очень серьезная проблема, требующая особого разговора. Сегодня неплатежи становятся наиболее распространенной причиной задержек в выплате зарплаты. Причем масштабы этих задержек таковы, что вполне способны стать катализатором социального взрыва, который непримиримая оппозиция, по ее неоднократным заявлениям, готовится спровоцировать осенью. Нельзя назвать единственную причину неплатежей: их много и действовать нужно

по многим направлениям. При этом очень важно покончить с долгами самого государства. Будучи одним из крупнейших неплательщиков, государство не может предъявлять строгие требования к другим неплательщикам. Тут недостаточно заплатить по счетам. Надо исследовать механизм возникновения неплатежей государства, чтобы не допускать их в будущем.

Опыт показывает не только реальные способы решения проблемы, но и пути, безусловно, тупиковые, ведущие к усугублению, а не к излечению болезни. К последним как раз и относятся попытки решения проблемы неплатежей вливанием дополнительной денежной массы. Это мы уже делали в 1992 году (когда, кстати, для такого решения были некоторые основания) и дорого заплатили за понимание того, что на подобном пути ничего хорошего нас не ждет. Решение проблемы должно быть неинфляционным хотя бы потому, что именно инфляция создает ту экономическую среду, в которой задержка и «прокрутка» чужих денег становятся особенно выгодными.

«ОНС» Уже не один месяц ведутся разговоры о вексельной форме расчетов, но конкретных дел здесь до сих пор не видно.

О. Л. Невозможно отделаться от мысли, что все это не случайно. Борьба за передел собственности подошла к критической черте — началу денежной приватизации. Она обострилась до предела, целые слои и группы не заинтересованы сегодня в снятии проблемы неплатежей. Особо острая борьба разворачивается вокруг механизма банкротства, с которым прямо связаны надежды на избавление от неплатежей. Когда подлинно неплатежеспособные предприятия обанкротятся или пройдут механизм санаций, неплатежей станет значительно меньше.

Недавно проблема неплатежей обсуждалась на заседании Экспертно-аналитического совета президента России. То, что это обсуждение уже произошло, сам факт работы над ним президентских аналитиков внушают некоторый оптимизм: значит, не всегда наш государственный аппарат идет только по следам уже состоявшихся экономических катастроф, иногда удается предвидеть опасность заранее, когда еще есть пространство для маневра.

«ОНС» А удовлетворены ли вы темпами проводимых преобразований? Ведь в прессе до сих пор можно встретить массу высказываний как политиков, так и экономистов, утверждающих, что, взяв курс на радикализацию преобразований, Ельцин и Гайдар повели их чрезмерно быстрыми, опасными темпами.

О. Л. Я придерживаюсь иной точки зрения и, напротив, боюсь, что все, безусловно, позитивные процессы, о которых мы говорили, происходят у нас слишком поздно и слишком медленно. Надо, чтобы реформирование шло быстрее, решительнее, потому что очень много времени потеряно впустую, люди устали. Сама жизнь подгоняет нас, возникают другие процессы, которые выходят из-под контроля. Правительство во многих случаях отстает, и многие экономические процессы вполне могут стать неуправляемыми.

«ОНС» Какие проблемы вы тут выделили бы в качестве приоритетных?

О. Л. Все-таки прежде всего финансовую стабилизацию. Кроме того, конечно, у нас безнадежно отстает законодательная база. Многие аферы остаются безнаказанными просто потому, что нет соответствующих законов. В странах с развитым рынком ценных бумаг уголовно наказуемыми были бы финансовые операции, которыми занимается «МММ» и иные подобные компании. У нас же они законодательством не запрещены и не разрешены (просто нет соответствующих законодательных актов), а потому ненаказуемы.

«ОНС» Несмотря на все трудности президент, правительство делают акцент на формирование социально ориентированной модели экономики. Разрабатывается даже специальная программа борьбы с бедностью. Но не секрет, что средства наши крайне ограничены. И уже появились высказывания о том, что выдвижение этой цели сегодня может лишь дискредитировать ее, так как для выполнения поставленных задач просто не хватит сил и средств. Что вы думаете об этом?

О. Л. Конечно, на западногерманском или шведском уровне это невозможно. Просто, прежде чем корабль ориентировать, его надо построить. Но можно поставить задачу решения этих проблем на ином уровне. Причем если в 1992 году разговоры о социальной ориентации были голой демагогией, то сейчас уже можно говорить об этом практически. Естественно, не в такой степени и не с такими ресурсами, как в странах Запада, но все имеющиеся ресурсы надо использовать с учетом потребностей социальной ориентации. Я думаю даже, что чем меньше у нас возможностей, тем больше* в этом необходимость. Ведь наши бедные — более бедные, чем их бедняки. Они уже в таком положении, когда могут происходить необратимые для общества потери.

Суть, однако, состоит в том, что как раз те, кто болтает о социальной ориентации, на деле не только не предлагают конкретных путей реализации социальных целей, но и даже не преследуют их. Более того, своей реальной политикой они исключают возможность достижения социальных целей. И лишь те, кого заклеймили как «либералов», «монетаристов» и т. п., за кем в обыденном сознании утвердилось клеймо противников социальной ориентации, отстаивают конкретные социальные цели.

«ОНС» Не могли бы вы привести пример?

О. Л. Разумеется. Социальная ориентация — это ведь не разговоры на митингах или записи в партийных программах. Я внимательно изучал, скажем, программу Компартии России Г. Зюганова. Там от всех социальных проблем отделались одной фразой, звучащей примерно так: найти возможность индексировать вклады, помочь бедным, повысить уровень зарплаты и т. п., не допуская инфляции и дефицита бюджета. Просто написали такую пустую декларацию и «отметились» в качестве поборников социальной политики. Реальная же социальная политика делается в бюджете, когда речь заходит не об абстракциях, а о дележе того, что есть.

И вот начали делить средства в бюджете на 1994 год. До того как он пришел в парламент, все уже было отдано аграрным чиновникам (не крестьянам, а именно чиновникам; повторю, я не против поддержки сельского хозяйства, но это должна быть поддержка рыночными средствами). Затем уже парламент «вырвал» дополнительные средства на оборону. А потом стали возмущаться: не дали школам, университетам, здравоохранению, культуре и т. д. и т. п. Но ведь все были очень довольны, отдавая все возможное и невозможное аграриям и военным, почему в тот момент никто не подумал ни об учителях, ни о врачах, ни об ученых? И этот бюджет всеми силами «протаскивали» через парламент не только жириновцы, аграрии, но и зюгановцы, о программе которых я только что говорил. Протестовали «Выбор России», фракция «Яблоко». А ведь можно было бы и этот бюджет сделать более социально ориентированным и не только в смысле перераспределения средств, но и в плане борьбы с инфляцией. Инфляция — это ведь налог на всех.

«ОНС» На бедных даже в большей степени.

О. Л. В общем да, потому что богатые оборотливые люди на ней еще и зарабатывают, бедные же только теряют. Это налог, от которого не

скроешься. Здесь налоговый инспектор не нужен. И метод борьбы известен — сокращение бюджетного дефицита. Меньше должно быть дотаций на военное производство, средств на закупку вооружений, на поддержание нынешней численности вооруженных сил. При этом на нужды министерства обороны можно было бы дать даже больше денег, но только под конкретные обязательства сокращения вооруженных сил.

«ОНС» Под конкретные программы?

О. Л. Под конкретные действия, результаты, а не программы. Сейчас говорят, что сокращение армии невыгодно, что при сокращении одной офицерской вакансии требуется выплатить 20 месячных окладов. То есть затраты на сокращение больше, чем при сохранении прежней численности военных. Но это только при годовом расчете. Если же правительство соглашается дать требуемые 20 окладов, то только при условии, что эти должности действительно будут сокращены и в будущем году бюджет не потратит на них ни копейки. Разве плохая окупаемость — 20 месяцев? Для любых инвестиций это очень хороший показатель. Если будет конкретный результат — сокращение численности армии,— не жалко понести и двадцатимесячные затраты, но чтобы они были однократными. В этом, кстати, также отражается социальная ориентация политики.

«ОНС» Какие бы приоритеты социальной поддержки вы выделили?

О. Л. Прежде всего нужны средства для сохранения тех ценностей цивилизации, которые находятся под угрозой разрушения. Конечно, нуждается в поддержке фундаментальная наука. Но именно наука, а не околонуточные чиновники. Нет смысла тратить средства на поддержание нынешних нежизнеспособных структур. Еще много надо думать о конкретных формах финансирования, чтобы деньги вкладывались с расчетом на реальный результат. Важно изыскивать средства на поддержку школ, музеев, библиотек, театров и т. д., на сохранение того, что рушится безвозвратно. Вот это и была бы социальная ориентация.

В то же время я не понимаю таких видов социальной поддержки, как выплата полной пенсии работающим пенсионерам, хотя в данном случае выступаю и против собственных интересов. Но в стране, где предметом беспокойства стал рост безработицы, на мой взгляд, полной глупостью является выплата пенсии работающим людям. Зачем так стимулировать занятость? Это может быть допустимым лишь в некоторых областях деятельности, где есть явная нехватка людей. Таким положением, кстати, как правило, пользуются высокооплачиваемые группы работающих. Выходит, снова помощь идет совсем не тем, кто в ней больше нуждается. Если вы считаете, что какая-то категория пенсионеров особо нуждается, найдите именно для нее средства адресной поддержки. Малые средства требуют особо точного распределения. Но в целом на поставленный вами вопрос можно ответить, что социальная ориентация и возможна, и нужна, хотя, конечно, в другом понимании, с иными средствами, на другом уровне, чем в так называемой «социально ориентированной экономике».

«ОНС» Начиная с мая 1994 года ход реформ пошел под знаком издания президентских указов по экономическим вопросам. К июлю было выпущено уже три пакета указов, готовятся следующие. Спектр их оценок огромен даже в стане сторонников проводимых реформ. Помощник президента по экономическим вопросам А. Лившиц видит в них рывок, сопоставимый с прорывом января 1992 года и либерализацией цен. А А. Илларионов, напротив, комментируя второй пакет указов, подверг его резкой критике за консерватизм,

выделив в качестве положительного лишь указ об отмене экспортных квот и лицензий, подчеркнув при этом, что на деле он не будет исполнен. (Действительно, появился другой указ, фактически сводящий на нет положения о либерализации экспорта.)

О. Л. Естественно, что Лившиц как один из основных инициаторов этих пакетов указов столь положительно их оценил. В целом положительно оцениваю их и я, хотя считаю, что не все в них идеально. Прежде всего я бы поддержал саму форму стимулирования реформ — принятие указов. Ведь парламент явно не справляется с той законодательной работой, которая от него требуется в ближайшее время. Он не спешит ни с гражданским кодексом, ни с уголовным кодексом, опоздал со многими законами. А кроме того, когда Государственная Дума принимает какой-либо законодательный акт, очень часто в результате получается продукт ожесточенной политической борьбы со всеми пороками, ей присущими. Поэтому я считаю крайне своевременным возвращение президента к тактике «подталкивания» реформ указами. И содержание пакетов указов, особенно первого, оцениваю высоко. Хотя нельзя также не видеть, что и в аппарате президента, и в правительстве есть лица, портящие указы своими корректировками. Но в общем основная направленность этих указов все-таки реформаторская.

Прав и Илларионов, говоря о том, что во втором пакете указов мало мер, связанных с реформами. Это лишь указ о либерализации внешней торговли, остальное же — не более чем меры по стабилизации. Однако, на мой взгляд, это не очень корректная критика. Ведь меры по стабилизации нельзя отделять от мер реформирования. Реформа не может развиваться в отрыве от реальных позитивных экономических и социальных результатов. Надеюсь, что указная активность президента за последнее время выльется в реальное продвижение реформ в повседневную жизнь.